

В. Б. Конасов, А. Л. Кузьминых

В плену Страны советов: Военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.)*

Раб тот, кто силой обстоятельств
вырван из своего естественного окружения,
заброшен в чуждую, ненавистную ему среду.

Станислав Яржембовский, польский философ

Прости им, Отец, ибо не ведают, что творят.
Так помоги же и нам их простить. Аминь.

Здислав Пешковский, узник Грязовецкого лагеря

Есть на исторической карте места до поры до времени малозаметные, тихие, ничем не примечательные. Но наступает момент, и стеченье обстоятельств делает их центром важнейших исторических событий. Одним из таких мест стал Грязовец — провинциальный городок в Вологодской области, втянутый в водоворот Второй мировой войны. Столь необычное внимание к себе Грязовец привлек к себе благодаря расположенному по соседству лагерю НКВД для военнопленных. История Грязовецкого лагеря по-своему уникальна. Ее вполне бы хватило на многотомное повествование. Узниками его были и чудом оставшиеся в живых обитатели Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, и военнопленные финны периода печально известной Зимней войны, и английские, французские и бельгийские военнослужащие, интернированные с территории Литвы и Польши в 1939–1940 гг., и представители многочисленных дивизий Вермахта, наголову разбитых в годы Великой Отечественной войны, и бывшие военнослужащие Красной Армии, прошедшие через нацистские лагеря. Фактически через лагерь прошел весь калейдоскоп наций, участвовавших во Второй мировой войне. В числе «почетных пленников» были весьма известные персоны: Ежи Волковицкий, единственный уцелевший из 12 генералов, находившихся в Козельском и Старобельском лагерях; Зигмунд Берлинг, будущий командир польской дивизии им. Костюшко; известный польский художник и литератор, основатель польского импрессионизма Юзеф Чапский; будущий министр юстиции польского правительства Всеслав Комарницкий; лучший ас Второй мировой Эрих Хартманн и многие другие лица, оставившие свой след в истории. Каждый из сюжетов истории лагеря вполне заслуживает специального рассмотрения. Речь в нашей статье пойдет о судьбах польских военнослужащих, оказавшихся в Грязовецком лагере, ставшем в августе–сентябре 1941 года центром формирования Польской армии В. Андерса.

* Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке публикации главному специалисту архива УВД Вологодской области С.И. Старостину.

В июле 1939 года в Грязовецком Доме отдыха ЦК Союза лесных работников, расположенному в постройках бывшего Корнильево-Комельского монастыря на берегу живописной речки Нурмы, что в 7 км от города Грязовца, царило необычное возбуждение. Дело в том, что в соответствии с постановлением Оргкомитета отдела ВЦИК Вологодской области от 5 июля 1939 года здания, инвентарь и товарно-материальные ценности здравницы Совлеспрома надлежало передать в ведение областного Управления НКВД. По подсказке Москвы местное начальство нашло бывшим монастырским кельям гораздо более «полезное» применение: в окрестностях Грязовца предписывалось открыть лагерь НКВД.

Монастырские здания для организации лагеря были выбраны не случайно — они как нельзя лучше отвечали требованиям изоляции будущих обитателей. Благо, и железная дорога проходила недалеко — всего в трех километрах от лагеря. К октябрю 1939 года три каменных корпуса и семь деревянных зданий ощетинились двойными рядами колючей проволоки. Поблизости от бараков расположились склады вешевольствия, хозматериалов, топлива и продфуража, пекарня, клуб, чуть в отдалении — контора Управления лагеря, общежитие и столовая для сотрудников лагеря. Как грибы, выросли часовые вышки, а дорогу к тихо почившей здравнице перекрыл шлагбаум. Не забыли работники НКВД и о техническом оборудовании: территория лагеря и жилые помещения были электрифицированы и радиофцированы, между наружными постами и караульным помещением протянута телефонная связь. Лагерный персонал был сформирован из бывших работников уголовно-исправительных учреждений. Так, заместитель начальника лагеря Кокарев был командирован Вологодским отделом исправительно-трудовых колоний (ОИТК), начальник хозяйственного отдела — числился за Грязовецким пересыльным пунктом¹. Не остался без работы и персонал бывшего Дома отдыха — многие его работники стали в новом лагере прачками, поварами, извозчиками.

Вопрос о том, кто будет обживать стены монастырских зданий, разрешился после того, как на переговорах в августе 1939 года между Герmaniей и СССР была достигнута договоренность о будущем Польского государства. Последовавшее вслед за этим вторжение на территорию Польши фашистской Германии, а затем и Советского Союза, стало началом крупнейшего в истории человечества военного конфликта — Второй мировой войны. В ходе двухнедельных боевых действий польские вооруженные силы были полностью разгромлены. В плену у Вермахта оказалось более 400 тыс. польских солдат и 19 тыс. офицеров, в плену у Красной Армии — около четверти миллиона солдат и офицеров польской армии. 19 сентября 1939 г. по приказу Л.П. Берия за № 0308 создается Управление по военнопленным, позднее — Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ). Одним из десяти лагерей нового ведомства становится Грязовецкий лагерь.

Уже в конце сентября стало ясно, что развернутая лагерная сеть не вместит всех польских военнопленных. В этой связи в Грязовецкий лагерь НКВД был срочно отправлен запрос о готовности к приемке контингента. В своем ответе начальство сообщило, что имеется возможность разместить 1 300 чел., а с получением палаток до 6 000 чел. Кроме того, для оборудования лагерной зоны запрашивалось около 5 тонн колючей проволоки, несколько тонн гвоздей, дезинсекционная камера, а также горючее для автомобилей². Приказом № 1 от 25 сентября 1939 г. утверждался штат лагеря. Его начальником назначался лейтенант госбезопасности М.И. Филиппов. В лагере имелись следующие отделения: канцелярия (1 чел.), особое (3 чел.), политическое (1 чел.), учетно-распределительное (1 чел.), финансовое (4 чел.), хозяйственное (19 чел.), санитарное (7 чел.) отделения, команда внутренней охраны (24 чел.) и обозная команда (23 чел.). Всего штат лагеря насчитывал 85 чел.³ Тогда же, в сентябре 1939 г., лагерем были получены наряды на продовольствие, фураж, стройматериалы, закуплен необходимый инвентарь, наняты рабочие для обуст-

ройства лагерной зоны. За получением палаток для жилья несколько сотрудников были направлены в Ленинград. Транспортом лагерь обеспечило областное УНКВД.

Для проверки готовности к приему военнопленных в Грязовец был командирован сотрудник Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных Г.И. Антонов. Данные его отчета, помимо прочих служебных записок, впоследствии фигурировали в докладе начальника УПВИ П.К. Сопруненко от 15 ноября 1939 г. на имя Л.П. Берия⁴.

Польские военнопленные прибыли в лагерь в начале октября. И хотя к их приему готовились, на первый взгляд основательно, на практике все обстояло отнюдь не гладко. Сотрудники учетно-распределительного отделения, к примеру, не знали польского языка, с трудом разбирались в административно-территориальном делении Польши. Типичным явлением было искажение фамилий, имен и других данных при заполнении опросных листов. К тому же у многих военнопленных на руках не оказалось ни паспортов, ни других документов, удостоверяющих личность.

Не удалось полностью подготовить под жилье заброшенные корпуса бывшего монастыря. Приготовленные к эксплуатации здания вмещали не более 1 300 человек, а размещать пришлось 3 099 чел. Поэтому в некоторых бараках были возведены трехъярусные нары, в других же военнопленным пришлось спать прямо на полу.

Условия содержания во многом зависели от погодных условий. Осенняя расputица вызвала перебои в снабжении лагеря продовольствием и топливом. С первыми заморозками в неотапливаемых помещениях стало холодно. Из-за отсутствия достаточного количества кипяченой воды возникла опасность возникновения желудочно-кишечных инфекций. Нехватка кухонной утвари обострила эту проблему. Ко всему прочему, медиков лагерной санчасти лишили возможности объявить карантин и провести первичную санитарную обработку пленных. Лагерный стационар, имеющий 50 штатных и 15 резервных коек, был переполнен. В целях разгрузки лагерного лазарета в г. Грязовце был организован дополнительный госпиталь на 100 коек⁵. К медицинскому обслуживанию пленных пришлось привлечь врачей из числа поляков. Предпринятые меры позволили справиться со сложной ситуацией. По состоянию на 15 октября 1939 года в Грязовецком лагере, в отличие от других лагерей УПВИ, не было зафиксировано ни одного случая смертности. Заболевания носили преимущественно простудный характер. Правда, статистику подпортил тот факт, что одному из военнопленных был поставлен диагноз «сифилис»⁶.

Суровые реалии лагерного быта наложили свой отпечаток на поведение военнопленных. Это обстоятельство серьезно обеспокоило сотрудников политотдела. В своих отчетах они писали о том, что, несмотря на «активное участие пленных в политической жизни лагеря» и «интерес к советскому строю», многие из них заражены «собственннической психологией». Под таковой политруками зачастую понимали самое обычное мошенничество и кражу лагерного имущества. Так, у одного из военнопленных были изъяты 8 подков. Другой солдат бывшей польской армии, будучи на хозяйственных работах, припрятал «на память» топор⁷.

3 октября 1939 г. начальнику лагеря М.И. Филиппову по прямому проводу пришло срочное распоряжение об отправке на родину солдат — уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины. Кроме того, согласно указанию Л.П. Берия, военнопленных солдат, жителей воеводств, отошедших к Германии, следовало откомандировать из Грязовца в Козельский и Путивльский лагеря для последующего обмена с германской стороной; генералов, офицеров и крупных государственных чиновников надлежало отправить в Старобельский лагерь; разведчиков, жандармов, тюремщиков и полицейских — в Осташковский. Судьба офицерского корпуса, как показал дальнейший ход событий, оказалась предельно драматичной. Исходя из ленинской установки, согласно которой «офицеры и генералы буржуазных армий большей частью принадлежат к классу капиталистов, либо

отстаивают его интересы»⁸, советское руководство готовило расправу с «непримирами классовыми врагами». Репрессивная машина НКВД была запущена...

Проведенный в лагере учет военнопленных выявил на 8 октября 1939 г. следующую картину (табл. 1)⁹:

Таблица 1

Категории военнопленных	Количество человек	Примечания
Генералы, офицеры, чиновники	47	подлежат отправке в Старобельск
Разведчики, контрразведчики, жандармы, тюремщики, полицейские	215	подлежат отправке в Осташков
Солдаты, подлежащие освобождению	2 593	
Солдаты, остающиеся в лагере	229	
Беженцы	15	
ИТОГО:	3 099	

Обмену подлежали военнопленные следующих национальностей (табл. 2)¹⁰:

Таблица 2

Категория пленных	Поляки	Украинцы	Белорусы	Евреи	Русские	Прочие*	Итого
Рядовые	189	—	155	13	3	6	366
Младший начсостав	82	1	47	1	1	—	132
Итого:	271	1	202	14	4	6	498

* В графу «прочие» входят чехи, литовцы, венгры, латыши.

Оставшийся в лагере контингент оказался малочисленным, вследствие чего был переведен в другие лагеря УПВИ. По окончании всех операций с отправкой польских военнопленных Грязовецкий лагерь НКВД в декабре 1939 г. стал местом сосредоточения финских военнопленных периода Зимней войны 1939–1940 г.¹¹ Но это уже тема отдельного исследования. Добавим лишь, что все финны в апреле 1940 г. были отправлены на родину в порядке обмена военнопленными, предусмотренного мирным договором между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г.

Однако лагерные бараки пустовали недолго. По решению руководства НКВД, оставшиеся после «разгрузки» Осташковского, Козельского и Старобельского лагерей около 400 польских офицеров были первоначально перевезены в Юхновский, а затем под усиленным конвоем отправлены в Грязовецкий лагерь НКВД¹². Первая партия польских военнопленных из Юхновского лагеря прибыла в Грязовец 10 мая, следующая, более крупная, — 13–15 июня¹³. Начальство тщательно готовилось к приемке нового контингента. Особое значение придавалось улучшению санитарного состояния лагеря, подготовке личного состава. Приемка спецконтингента прошла безукоризненно. Исполняющий обязанности начальника лагеря старший политрук Сазонов объявил благодарность вахтерской команде, «особо проявившей себя при приемке нового пополнения»¹⁴. В числе прибывших были 1 генерал, 8 полковников, 16 подполковников, 9 майоров, 18 капитанов и 312 офицеров младших чинов¹⁵. Несмотря на разницу в воинских званиях, пленников объединяло одно обстоятельство: большинство из них представляло несомненный интерес для

советских спецслужб и политорганов. Одних брали на учет в связи с тем, что их судьбой интересовались германское посольство и литовская миссия. Других склоняли к сотрудничеству. В итоге 167 человек дали согласие стать лагерными осведомителями и 47 вызвали интерес на предмет их закордонного использования. Наконец, дела еще 90 военнопленных продолжали изучаться.

Так или иначе, но Грязовецкие узники оказались в числе тех, кого советское руководство не включило в категорию «заклятых врагов советской власти, преисполненных ненависти к советскому строю». Более того, в руках 5-го отдела ГУГБ имелся список лиц, выразивших готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР. Речь идет, прежде всего, о группе офицеров под предводительством Зигмунда Берлинга, а также об офицерах, считавшихся с возможностью возникновения в результате войны так называемого Союза Европейских Социалистических Республик.

Исходя из характера контингента, руководство НКВД с особой тщательностью подбирало управленические кадры лагеря. Одним из основных требований был продолжительный опыт работы в органах НКВД. Так, комиссаром Грязовецкого лагеря был назначен бывший комиссар Вологодского лагеря НКВД¹⁶ Т.Ф. Сазонов, заместителем начальника лагеря — майор П.Ф. Борисовец, бывший начальник Осташковского лагеря, имевший двадцатилетний опыт оперативно-чекистской работы. Интересно, что последний принимал активное участие в подготовке расстрельной акции польских офицеров весной 1940 года.

После поступления спецконтингента началась регистрация прибывших. В ходе последней выяснилось, что некоторые поляки, опасаясь репрессий для себя и своей семьи, скрывали свои подлинные биографические и служебные данные. Их выявлением занимался особый отдел лагеря. Например, на одном из допросов было установлено, что военнопленные Расински С.Ю. и Белецки Ш.К., выдававшие себя за беженцев, на самом деле являлись военнослужащими бывшей польской армии: первый — капитаном в запасе, второй — ротмистром¹⁷.

На каждого военнопленного были оформлены учетное дело и учетная карточка. При опросе наибольшее внимание уделялось связям с заграницей. Порой осведомленность оперативных работников поражала. В этой связи сошлемся на опытного контрразведчика НКВД Л.Ф. Райхмана, участвовавшего в допросах польских военнопленных, который отмечал: «При хорошо поставленной оперативной работе человек, вызванный на допрос, сам не знал о себе того, что знали мы»¹⁸. Оперативные работники пользовались огромной властью. Они не подчинялись напрямую начальнику лагеря и сообщали ему лишь второстепенную информацию. Привилегированное положение сотрудников особого отдела Грязовецкого лагеря подчеркивал и тот факт, что в качестве поощрения областное руководство УНКВД ежегодно выделяло им путевки в ведомственный санаторий в Ессентуках¹⁹.

За период карантина пленные успели осмотреть лагерь, освоиться в новых бараках, поделиться впечатлениями и обсудить местные порядки. Привыкший к лагерному быту глаз не мог не уловить весьма пикантные для гулаговских учреждений детали. Виданное ли дело? На берегу речки Нуры, протекавшей через лагерную территорию, пленным разрешили построить вышку для прыжков в воду, а в распорядке дня отвели время для принятия солнечных ванн. Купание в воде, содержащей железо, оказывало оздоровительное воздействие на организм. Да и вообще на жизнь в Грязовце грех было пожаловаться: здесь несравненно лучше кормили, не докучали обысками и допросами, внимательно относились к просьбам и ходатайствам заключенных. Не случайно, в своем отчете после передачи германским властям в январе 1941 г. Рихард Штиллер, описывая свою лагерную одиссею, отмечает: «...Пребывание в Грязовце можно действительно назвать приятным: климатические условия были очень полезными, сам лагерь находился в старых монас-

Фотографии из личных дел польских военнопленных

тырских стенах на лугу у реки, так что мы имели возможность часто бывать на свежем воздухе. Размещение и питание можно назвать хорошими. Питание – даже слишком хорошим...»²⁰.

Изменилось и отношение лагерного руководства к правовому статусу военнопленных. Здислав Пешковский пишет: «В этом лагере нас трактовали как бы с учетом положений Женевской конвенции. Конечно, все это было в советском варианте. И мы уверены, что все это делалось для внешнего «потребления», чтобы показать миру, что польских военнопленных рассматривают в России в соответствии с международным правом, что их содержат в нормальных условиях. В то же самое время сотни тысяч поляков жили в нечеловеческих условиях в Сибири и Казахстане, в Узбекистане и во многих других частях этого мощного красного континента»²¹.

Наконец, известный польский исследователь Я.К. Заводный, изучивший многочисленные мемуарные и документальные свидетельства²², характеризует отношение лагерного начальства к военнопленным чуть ли не как «отцовское»²³. Впрочем, столь трогательная забота лагерной администрации о своих подопечных объяснялась указанным выше кругом задач, которые советское руководство возлагало на оказавшихся в советском пленау представителей польской военной и интеллектуальной элиты.

Особое место отводилось политической работе. В распоряжениях, исходящих из центрального аппарата НКВД, указывалось: «Постройте так работу, чтобы все работники политотделения все время находились среди военнопленных, вели учет их настроений»²⁴. Подробные отчеты о проделанной политработе еженедельно отсылались в центральный аппарат НКВД.

Основной формой пропагандистского воздействия на пленных являлись лекции, тематика которых ежемесячно утверждалась Политотделом Управления НКВД СССР. При этом

обильно цитировались классики марксизма-ленинизма, перечислялись достижения «первого в мире социалистического государства»: «СССР — самая демократическая страна в мире... В Советской стране трудящиеся живут светлой, радостной жизнью... В СССР весь народный доход идет на улучшение жизни трудящихся... В СССР самый короткий в мире рабочий день...» и т. д.²⁵.

Вот, к примеру, тематический план проведения политбесед с военнопленными и интернированными поляками на ноябрь–декабрь 1940 года (табл. 3)²⁶:

Таблица 3

№	Наименование бесед	Кол-во бесед	Время в часах
1	Партия Ленина-Сталина — организатор и вождь Великой Октябрьской Социалистической Революции	2	4
2	Вторая империалистическая война и положение трудящихся в капиталистических странах	1	2
3	Международное положение и внешняя политика СССР	1	2
4	США и война в Европе	1	2
5	Всемирно-историческое значение победы социализма в СССР	1	2
6	Успехи Ленинско-Сталинской внешней политики. Новые советские республики	1	2
7	Сталинская конституция — Всенародный праздник трудящихся	2	4
8	Политика Советской власти по национальному вопросу	2	4
		<i>Итого:</i>	11
			22

Начальник Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР капитан госбезопасности П.К. Сопруненко, лично курировавший политическую работу в Грязовецком лагере, требовал от старшего политрука Сазонова проводить лекционные беседы среди подведомственного контингента каждый день, включая выходные и праздничные дни. Неудивительно, что лекции, почти дословно воспроизводящие содержание журнала «Блокнот Агитатора», не пользовались популярностью среди образованного польского офицерства. Тем более, что многие из них уже успели осознать тоталитарную сущность сталинского режима. Никто из пленных даже и не подозревал, что нежелающих посещать лекции политотдел предлагал брать на учет и «всесторонне изучать».

Гораздо охотнее военнопленные посещали лекции своих товарищей, объединившихся в научный кружок (пленные окрестили его «научным колхозом»). Тематика этих лекций была исключительно разнообразной. К примеру, З. Пешковскому надолго запомнилась лекция по истории мебели. Раздосадованные политапаратчики преследовали новоявленных «просветителей». Так, за «организацию среди военнопленных нелегальных лекций» военнопленные Эрлик и Домань получили первый трофеи, а второй десять суток гауптвахты²⁷. В противовес «научному колхозу» политруки организовали лагерную «комячейку», на собраниях которой пленные с прокоммунистической ориентацией проводили собрания, митинги, разучивали советские песни²⁸.

Устная пропаганда дополнялась печатной агитацией. Лагерь, помимо центральных периодических изданий — «Правды» и «Известий», выписывал газеты на польском языке «Червоны Штандар» и «Голос Родзецких»²⁹. Возле клуба находились специальные витрины для чтения. В распоряжение пленников была предоставлена богатая библиотека. В списке

рекомендуемой литературы значились произведения советских писателей А.М. Горького, А.А. Фадеева, классиков мировой и русской литературы Мигеля Сервантеса, Жюля Верна, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, но на первом месте, разумеется, были труды Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина, руководителей советского государства Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, В.М. Молотова. В своем стремлении политически подковать и просветить своих подопечных начальство даже допустило перегибы. Так, 29 января 1941 года на имя начальника Грязовецкого лагеря из Москвы пришло срочное сообщение за № 25/754 о запрещении чтения лагерным контингентом газеты «Боевая подготовка». Предлагалось организовать хранение ведомственных изданий так, «чтобы ни один номер не попал для чтения военнопленным и интернированным»³⁰.

Идеологической подоплекой были проникнуты и культурно-массовые мероприятия. Еще в конце марта 1940 года в распоряжение лагеря поступила звуковая кинопередвижка. Киномеханик был в лагере почетной фигурой: показ ярких, красочных, пусть даже и тенденциозных советских кинокартин неизменно собирал большую зрительскую аудиторию. Военнопленным демонстрировались кинокартини «Мы из Кронштадта», «Глубокий рейд», «Ленин в 1918 году», «Чапаев», «Щорс», «Выборгская сторона» и другие. Раз в неделю проводились вечера самодеятельности. Их программа утверждалась начальником лагеря.

Необычное оживление наступило в лагере в первых числах ноября 1940 года. Шла подготовка к празднованию XXIII годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. В клубе и Ленинской комнате сотрудники с привлечением пленных организовали выставки достижений народного хозяйства СССР, красочно оформили здания, иллюминировали главный вход в лагерь, вывесили транспаранты с революционными лозунгами, портреты руководителей партии и правительства. Все помещения, в том числе бараки военнопленных и интернированных, были приведены в надлежащий порядок и выглядели по-праздничному. Нормы питания спецконтингента в праздничные дни увеличили на 25 процентов³¹.

Однако идиллия лагерной жизни была только видимой. Как и любое пенитенциарное заведение, лагерь жил своей внутренней, не предусмотренной лагерными инструкциями, жизнью. Так, в одном из августовских политдонесений лагерное начальство с тревогой отмечало такие факты как нарушение программы вечера самодеятельности, «хождение» по лагерю нелегальных изданий, самосуд пленных над своим товарищем, организация группового протеста, «контрреволюционные действия» со стороны генерала Волковицкого и полковника Гробицкого, провокационное поведение которых разлагало дисциплину и режим среди подневольного контингента³². Нередким явлением было нарушение правил внутреннего распорядка: неявка на утреннюю проверку, пререкания с дежурным комендантом, игра в карты на деньги, самовольная стирка белья, уход с работы, драки, оскорблении, в том числе и сотрудников лагеря. Реакция начальника лагеря в каждом случае была незамедлительной: провинившиеся военнопленные отправлялись на гауптвахту.

Усиленное наблюдение велось за пленными, на которых имелся компрометирующий материал или которые ранее были уличены в нарушениях лагерного режима. Например, в оперативных материалах на майора пехоты в запасе Л. Я. Домоня упоминался факт его участия в «контрреволюционной группе» в Старобельском лагере, за подпоручиком запаса Ю. М. Михневичем и бывшим учителем А. М. Болюлисом числилась попытка побега из Козельского лагеря³³. Поэтому неудивительно, что в любом действии этих военнопленных начальство видело готовящуюся провокацию. Так, майор Домань провел 10 суток на гауптвахте лишь за «систематические хождения из корпуса в корпус»³⁴.

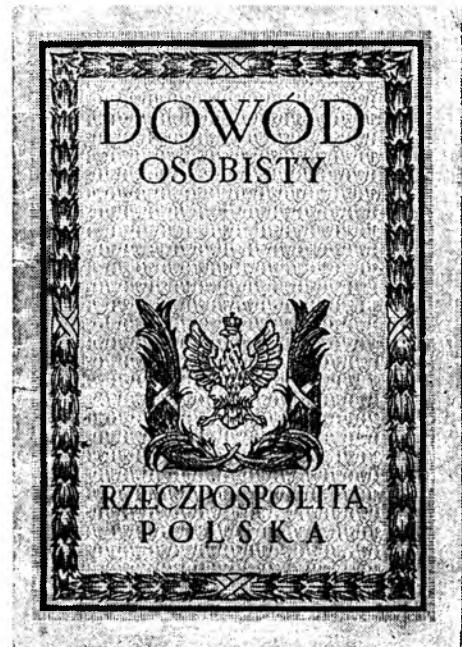
С особой подозрительностью лагерная администрация относилась к военным капелланам, считая их своими непримиримыми идеологическими противниками. Строжайше были запрещены религиозные службы, месссы, молитвы, которые расценивались как антисоветская аги-

тация. Табу было наложено и на проведение католических праздников. Бывший подхорунжий З. Пешковский в своих мемуарах пишет о том, как он провел несколько дней в карцере за подготовку празднования Рождества³⁵. Интересно, что сведения об этом зафиксированы и в архивных документах. Так, в приказе № 121 по Грязовецкому лагерю от 25 декабря 1940 года говорится: «Военнопленного бывшей Польской армии Пешковского Здислава Сигизмундовича за передачу продуктов на гауптвахту 25/XII-40 г. арестовать на 15 суток с содержанием на гауптвахте лагеря»³⁶. Довольно мягкое наказание, если учесть, что большинство пленных католических священников было расстреляно только за свои антисоветские убеждения³⁷. Изменившееся отношение советских властей к лицам духовного звания спустя полгода после трагедии в Катынском лесу было продиктовано, в первую очередь, озабоченностью международной общественности их судьбой. Об освобождении ксендзов из плена шли ходатайства из Лондона, Бухареста и Рима.

На начало августа 1941 в Грязовецком лагере находились 9 священников, среди них капелланы Беднарчик, Дубровка, Юдыцкий, Куликовский, Взденчный, а также профессор церковной истории С. К. Кантак³⁸. Позабыв о собственных трагедиях, они тайно проводили службы, стараясь духовно поддержать своих соотечественников. Бывший поручик польской армии Е. Климковский писал по этому поводу: «В то время влечение поляков, находящихся в СССР, к религии было совершенно особым. Люди, исстрадавшиеся, измученные жизнью и ее страшными условиями, а часто и без куска хлеба, люди, потерявшие свои семьи, своих близких, обращались к Богу, ища утешения и надежды в молитве»³⁹. Из-за преследований властей, религиозные службы, по определению С. Свяневича, принимали характер «первохристианских катакомбных молений»⁴⁰. В условиях лагеря короткая прогулка с «собеседником» служила исповедью, кусочек пайкового пшеничного хлеба — обрядовой просвирой. Нередко священники совершали мессу в темноте ночи, лежа или полусидя на своих нарах. Читали заученные наизусть тексты, поскольку обнаруженное Евангелие могло стать поводом для репрессий.

Изъятие у военнопленных религиозной и антисоветской литературы проводилось путем систематических обысков⁴¹. В случае обнаружения нелегальных изданий или запрещенных предметов последние подлежали немедленному изъятию, а виновные — привлечению к ответственности. Однако в силу особого характера контингента в Грязовецком лагере обыски проводились от случая к случаю. 12 августа 1940 года при доставке одного из военнопленных из Грязовца в тюрьму г. Москвы при обыске у него было обнаружено около 2 кг золота, зашитого в полотняных поясах. Из Москвы тут же последовала жесткая команда: «В дальнейшем обыск военнопленных производить на одинаковых основаниях с заключенными», т. е. не реже одного раза в неделю⁴².

Сложными были в лагере и межнациональные отношения. Еще до прибытия в Грязовец среди военнопленных сформировались группировки «немцев», «поляков» и «евреев», каждая из которых отстаивала свои политические и этнические приоритеты. Так, группа этнических

Польский паспорт из личного дела
военноплененного

немцев, имевших польское гражданство (270 чел.), явно симпатизировала политике фашистской Германии. В группировке этнических поляков также были сильны шовинистические и антисемитские настроения⁴³. Многие из польских офицеров тайно вынашивали идею создания «Великой Польши от моря до моря». Особенно сильные позиции в лагере заняла группа поляков под руководством военнопленного Черны, которому было дано право выполнять административные функции, в частности, выступать на проверках перед строем, делать замечания по поводу поведения своих товарищей. Используя свое привилегированное положение, этот офицер стал открыто призывать к коллективным действиям против евреев. 18 августа 1940 года некто Кульчицкий, выделенный для наблюдения за порядком при продаже товаров военнопленным у лагерного ларька, крайне нелестно выразился по адресу военнопленного Зоненшайна. В ответ последний ударил Кульчицкого, завязалась драка. На следующий день дело дошло до массовых столкновений между военнопленными. Все участники групповых драк были арестованы на срок от 10 до 20 суток с отбыванием наказания на гауптвахте. Кроме того, инициаторы потасовки были лишены права пользования личными деньгами сроком на один месяц, а главный зачинщик — капитан Черны Тадеуш Юзефович — освобожден от занимаемой должности заведующего хозяйством. Старшим по хозяйству военнопленных был назначен подпоручик Станислав Щиперский, пользовавшийся доверием у начальства⁴⁴. Начальник лагеря, старший лейтенант госбезопасности Волков, лично предупредил военнопленных, что впредь за каждый случай проявления каких-либо хулиганских поступков и организацию драк виновные будут немедленно преданы суду в соответствии с существующими законами⁴⁵.

По принятому ЦИК и СНК СССР 19 марта 1931 г. «Положению о военнопленных», привлечение к труду разрешалось только с согласия лица, находящегося за колючей проволокой. На практике порядок трудового использования военнопленных определялся ведомственными инструкциями. Поскольку использование труда военнопленных за пределами лагерной зоны эти инструкции запрещали, начальство Грязовецкого лагеря нашло простой выход: на близлежащих пустующих землях было организовано подсобное хозяйство. Организация огородничества руками военнопленных сулила немалую выгоду: продукция подсобных хозяйств лагерей НКВД не подлежала обложению налогом с оборота, вдобавок к этому с этой продукции не взыскивалась разница от сезонного повышения цен. При проведении сельскохозяйственных работ учитывались чины и звания военнопленных. Так, подполковник Гановский был назначен агрономом по растениеводству. Применился труд пленников и на внутрилагерных работах, таких как распиловка дров, уборка территории, ремонт и строительство бараков. Еще одну группу обитателей лагерных бараков использовали на строительстве дороги недалеко от лагеря. Предусматривалось и поощрение невольников за выполняемую работу. Самых трудолюбивых военнопленных, по укоренившейся советской традиции, премировали парой новых ботинок⁴⁶.

Широко внедрялась практика самообслуживания. Так, приказом № 100 по Грязовецкому лагерю от 1 ноября 1940 г. старшиной по хозяйству назначался военнопленный Теодорович, заведующим столовой — военнопленный Зеленский, старшиной 3-й роты — военнопленный Лапацинский, старшиной 1-й роты — военнопленный Селезень⁴⁷.

Тем не менее, не все поляки горели желанием трудиться на благо «оккупантов-большевиков». В одном из документов читаем: «За отказ от выполнения работ по погрузке щебня, нецензурные обращения к руководителю работ военнопленному Кушнерук, а также за дезорганизацию и разложение трудовой дисциплины на работе 17/X – 40 г. военнопленного Пайдовского Игната Юзефовича арестовать на пять суток»⁴⁸.

Жизнь военнопленных в лагере строго регламентировалась. Приказом № 63 по Грязовецкому лагерю от 14 августа 1940 года устанавливается следующий распорядок дня для военнопленных:

1. Подъем (6 ч.);
2. Физзарядка (6 ч. – 6 ч. 15 м.);
3. Туалет (6 ч. 15 м. – 6 ч. 30 м.);
4. Утренняя проверка (6 ч. 30 м. – 7 ч.);
5. Завтрак (7 ч. – 8 ч.);
6. Работа (8 ч. – 14 ч.);
7. Обед (14 ч. – 16 ч.);
8. Работа (16 ч. – 18 ч.);
9. Личное время (18 ч. – 18 ч. 30 м.);
10. Ужин (18 ч. 30 м. – 20 ч.);
11. Личное время (20 ч. – 21 ч.);
12. Вечерняя проверка (21 ч. – 21 ч. 30 м.);
13. Личное время (21 ч. 30 м. – 22 ч.);
13. Отбой (22 ч.);
14. Прием больных в амбулатории (с 18 ч. до 21 ч.)⁴⁹.

Кроме этого, вводилась целая система специальных сигналов, подаваемых с помощью кувалды и железного рельса:

1. Подъем — частые удары, повтор — 2 раза;
2. Завтрак — частые удары, повтор — 1 раз;
3. Обед — частые удары, повтор — 2 раза;
4. Ужин — частые удары, повтор — 3 раза;
5. Отбой — 3 частых удара с перерывами⁵⁰.

Неотъемлемым атрибутом лагерной жизни являлись проверки-переклички, на которых должен был присутствовать каждый военнопленный. Даже генералы и полковники выстраивались в шеренгу на лагерном плацу. Каждая перекличка завершалась командой «разойдись!». Иногда из-за неправильного подсчета проверку приходилось проводить не один раз, в любое время суток и при любой погоде. Неудивительно, что данная процедура не пользовалась популярностью среди обитателей лагерных бараков. Так, под различными предлогами систематически не являлись на проверку пленные Осинкович, Морич, Енковский, Триботский, Фуртэк, Гладунь, Гневаш, Любуська. Начальнику лагеря старшему лейтенанту госбезопасности Волкову пришлось даже издать специальный приказ, в котором указывалось, что «от проверки освобождаются только тяжело больные, находящиеся в лазарете, и лица, у которых есть письменное разрешение администрации лагеря»⁵¹.

Наказания к пленным применялись крайне редко и имели скорее профилактический характер. Так, военнопленный Якштас Людвиг Феликович, получивший 15 суток карцера «за передачу продуктов арестованным», был освобожден как «ранее ни в чем не замеченный»⁵². Гораздо более жестко лагерное начальство карало за проступки сотрудников лагеря. Например, рабочий хозкоманды лагеря П. А. Зимин, самовольно ушедший с работы и допустивший «ненецензурную ругань» в адрес старшего инспектора хозотделения А. А. Скворцова, был отдан под суд⁵³.

Начиная с октября 1940 г., военнопленным была разрешена переписка (не более одного письма в месяц). По воспоминаниям З. Пешковского, в Грязовец периодически приходили письма из Польши. В этих письма адресаты интересовались не только положением соотечественников в советском плену, но и судьбой офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. По этой причине лагерная администрация стремилась максимально ограничить переписку. При этом использовался такой довод, как «отсутствие писчей бумаги». Однако поляки быстро сориентировались в сложившейся ситуации. На одном из политзанятий перед лектором был поставлен вопрос: «Если, как вы говорите, в Советском Союзе абсолютно все есть, то почему мы здесь не разу не увидели бумаги?»⁵⁴. В конце концов, переписке решили не препятствовать.

В апреле–июле 1941 г. генерал Е. Волковицкий обрушил целый шквал писем, прошений и требований на имя представителей советского и зарубежных правительств, требуя освободить поляков из плена и использовать их в борьбе против «германского насилия». Неутомимый генерал писал наркому иностранных дел В. М. Молотову, послу Королевства Югославия в СССР и даже самому И. В. Сталину, надеясь найти поддержку и сочувствие последнего. В одном из писем он вполне справедливо указывал: «При взятии нас в плен Польша не вела войны с СССР. Настоящая война может продлиться еще много лет. Поэтому считаю, что задержание в течение этого времени польских военных в плену будет чрезвычайно обидно, как для них самих, так и для их семейств, так как настолько понизит их физические и умственные качества, что сделает их во многих случаях только ненужным и тяжелым бременем. Десятки тысяч людей (военнопленных и родных) будут иметь справедливые претензии к СССР, что не будет хорошей пропагандой для СССР, как государства вообще и в особенности среди польского народа»⁵⁵.

Продовольственное и вещевое снабжение лагеря осуществлялось по утвержденному УПВИ НКВД СССР лимиту военнопленных в 2 500 чел. На деле же численность контингента редко превышала 700 чел. Сложилась парадоксальная для советской пенитенциарной системы ситуация: лагерь буквально ломился от запасов продфуража. В связи с нехваткой складских помещений возникла опасность порчи продуктов. Лагерное начальство забило тревогу, требуя от Москвы упорядочить продовольственные поставки.

Нормы питания военнопленных были более чем достаточные. В рацион входили мясо, рыба, сахар, макароны, а хлебная пайка, к примеру, равнялась 800 г в день — по тем полуголодным временам дело невиданное. Во всяком случае, никто из окрестного населения и даже из сотрудников лагерного персонала такого изобилия не имел. Стоимость одного котлодня военнопленных в пересчете на цены продуктов, имеющиеся в наличии в лагерной столовой, составляла: для офицерского состава — 3 руб. 74 коп., для рядового — 2 руб. 95 коп. Для сравнения отметим, что на питание поляков из числа спецпереселенцев выделялось 2 руб. 50 коп. в сутки на человека⁵⁶. Кроме того, военнопленным, в зависимости от их чина, ежемесячно выплачивались деньги в размере до 10 до 20 руб. в месяц. Эти деньги зачислялись на депозитные счета военнопленных и выдавались, как правило, в дни приобретения товаров в лагерном ларьке. Например, в расчетной ведомости Грязовецкого лагеря от 6 ноября 1940 г. отмечается выдача денег следующим пленным бывшей польской армии: Раксимович А.Р. — 46 руб. 08 коп., Колодзей З. С. — 19 руб. 60 коп., Гольдберг А. П. — 49 руб., Носельский А. М. — 50 руб., Садовский С. С. — 50 руб., Витлиб А. И. — 49 руб., Януш К. Ю. — 19 руб. 60 коп.⁵⁷.

Медицинское обслуживание военнопленных велось в амбулатории и лазарете. Руководство медобслуживанием осуществлялось лагерным санитарным отделением. Для укомплектования штатов из Вологодского облздравотдела был командирован ряд врачей, в частности, санврач Л. В. Погодина⁵⁸. В штатный список медперсонала были зачислены и врачи из числа военнопленных⁵⁹, профессиональный уровень которых нередко значительно преувеличивал уровень их советских коллег. Так, в списках узников Грязовецкого лагеря значился капитан медицинской службы запаса, доктор медицины, терапевт И. Перельмутер⁶⁰. К исполнению своих профессиональных обязанностей были привлечены профессор, хирург Б. Шарецкий, доктор-терапевт С. Садовский, врач-стоматолог С. Словес. Санитары также набирались из числа военнопленных. За свою работу врачи получали зарплату в размере 150–175 руб., санитары — 40 руб. в месяц.

Пользуясь своим служебным положением, врачи-поляки, как могли, помогали своим соотечественникам: назначали дополнительное питание, выписывали необходимые лекарства, давали освобождение от работы. Дело дошло до того, что начальник лагеря был вынужден «довести до сведения всего личного состава, а также военнопленных, что без подписи советского врача никакие освобождения по болезни недействительны»⁶¹.

Сов. Секретно

НАЧАЛЬНИКУ ЦФЮ НКВД СССР
ДИВИНТЕНДАНТУ тов. БЕРЕНЗОНУ

гор. МОСКВА

КОПИЯ: НАЧАЛЬНИКУ ФИНО УНКВД по ВО
тов. СЕВОКЛОКОВУ

гор. БОЛГОРДА

По приказу НКВД СССР утвержденный лимит военнопленных составляет 2500 человек. Лагерь функционирует с 1/XII-1939 года контингент военнопленных колеблется от 400 - 700 человек.

Управление делами военнопленных, как в начале, так и в последнее время продолжает спускать наряды продфурража на утвержденный лимит. На 20-е августа с/г, лагерь располагает запасами продфурража от 85 до 80 дней обеспечения лимита военнопленных 2500 человек. Однако поток нарядов на 3-й квартал продолжается.

Имеющиеся места хранения при лагере заполнены сверх нормальной нагрузки.

Управление своим письмом от 13. VIII. 1940 г. за № 134/8-145 передачу нарядов третьего квартала другим лагерям до 10-го сентября запретило.

Основываясь на Ваше циркулярное письмо от 25/XI-с/г № 34/8-145 считая необходимым поставить Вас в известность что поставщики продолжают отгрузку продуктов в счет нарядов 3-го квартала, таких продуктов которыми лагерь обеспечен не менее чем на 60-80 дней обеспечения лимита.

Поэтому в целях могущей быть от длительного хранения порчи продуктов и избежания расходований бюджетных средств в ненужных на то случаях, прому Вашему воздействию на Управление делами военнопленных НКВД СССР.

Одновременно довожу до Вашего сведения, что лагерь на сегодняшний день имеет просроченные платежи на 20000 р./вторая карточка в Госбанке/.

Начальник ФИНО Грязовецкого лагеря

Н К В Д - *Григорьев*

/ТАГИРОВ/

Запрос начальника финансового отделения Грязовецкого лагеря А. И. Тагирова об ограничении продовольственных поставок в Грязовецкий лагерь НКВД.

28 августа 1940 г.

Несмотря на квалифицированное медицинское обслуживание, в лагере имелись случаи смертности среди пленных. Нередко виной тому был преклонный возраст. Так, от болезни на 71-м году жизни скончался бывший сотрудник Министерства военных дел Республики Польша, полковник Р. Малиновский. О наличии захоронений польских военнопленных под Грязовцом пишет в одной из своих работ историк Н. С. Райский⁶².

Bogansent
A. Oregany et nomen P. macronotus specie. 213. 9000
Summer Oregon

Фамилия, имя отчество	Сумма	Расчет о продажах за № III
Гаврилович А. П.	46 08	✓ Нижнекамск.
Колодезь З. Е.	19 60	✓ Красногорск.
Гончаров Д. Н.	49 00	✓ Тверской Адрес
Носиковский Р. М.	50 00	✓ Новосибирск
Соловьевский С. С.	50 00	✓ Саратовский
Виноградов В. И.	49 00	✓ Новокузнецк.
Януков Н. Г.	19 60	✓ — — — — —
Чисто г. звени	283 28	—
и. Задору производство		Бессоновский лесопильный п. Болотский район Казанский с/з № 28 6 "Новокузнецк" "Бухгалтер Управления"

*Расчетная ведомость на выдачу военнопленным бывшей польской армии денежного довольствия.
6 ноября 1940 г.*

Численность лагерного контингента постоянно колебалась. В среднем она составляла от 400 до 700 человек. Пленных довольно часто переводили из лагеря в лагерь, нередко отправляли в Лубянскую или Бутырскую тюрьму, где велась интенсивная оперативно-следственная работа. После получения от военнопленного необходимых сведений его этапировали обратно. Так, в одной из справок начальник 2-го отделения Грязовецкого лагеря Шахов указывал: «Прибыл в Грязовецкий лагерь НКВД для военнопленных военнопленный подпоручик, летчик бывшей Польской армии Климан Петр Теодорович. В лагерь поступил из внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД 8/IX-40 г.»⁶³. Для того, чтобы нагляднее представить атмосферу конвоирования, сошлемся на воспоминания бывшего ротмистра Юзефа Чапского, впоследствии издавшего свои книги «Старобельские воспоминания» и «На бесчеловечной земле»⁶⁴. Он пишет: «Я покинул Старобельск одним из последних. Уже на станции начались неожиданности: нашу партию распихивали человек по 10–15 в узенькие отделения вагонзака, почти без окон, с тяжелыми решетками вместо дверей. Охрана вела себя крайне грубо. В уборную нас принципиально пускали два раза в сутки. Кормили селедками и водой. В вагонах стояла жара. Люди теряли сознание, и особенно характерным было равнодушие привыкших к этому конвоиров»⁶⁵. Как не вспомнить здесь расхожую среди советских заключенных поговорку: «Вологодский конвой шутить не любит».

Иную позицию высказывает А. А. Лукин, бывший начальник связи 136-го отдельного батальона внутренней охраны БССР, а впоследствии 252-го полка конвойных войск НКВД СССР: «Ни при конвоировании, ни при содержании в лагерях не допускалось нарушений “прав человека”. За нарушения строго наказывали. Я участвовал во многих конвоях — как плановых, так и неплановых. На меня и моих подчиненных жалоб не было»⁶⁶. Как говорится, у каждого своя правда.

При этапировании военнопленные строили всевозможные догадки: «Куда везут? С какой целью?» Всевозможные домыслы на этот счет подогревали неосторожные высказывания некоторых конвоиров. Так, старший постовой полиции А. Воронецкий, содержавшийся в Осташковском лагере и попавший в один из грязовецких этапов, надолго запомнил зловещий разговор с одним из охранников. Последний в ходе завязавшейся беседы обронил фразу: «Ваших товарищих вы уже не увидите. Их потопили...»⁶⁷

Довольно крупная партия военнопленных поступила в Грязовец летом 1940 года после захвата Прибалтики. Это были преимущественно польские военнослужащие, оказавшиеся в сентябре 1939 года в Литве и Латвии и там интернированные. Численность военнопленных в лагере достигла тысячи человек. Несколько сгладила внезапно возникшую тесноту в лагерных бараках передача германскому посольству группы этнических немцев (273 чел.). Несмотря на значительные перемещения контингента, лагерь по-прежнему сохранял статус «офицерского». В справке УПВИ указывалось, что на 22 июня 1941 года в Грязовце находилось 350 офицеров⁶⁸.

Война заставила срочно эвакуировать военнопленных из западных областей. Отправке в Грязовец подлежали заключенные Козельского и Юхновского лагерей. Крупный конвой из Козельского лагеря прибыл в Грязовец 2 июля 1941 года. Начальник конвоя, лейтенант Кателян, сдал по назначению 1 224 «интернированных военнослужащих и гражданских лиц бывшей Польши», а также 181 француза, англичанина и бельгийца⁶⁹. Следом за ним в лагерь прибыл эшелон с военнопленными поляками из расформированного Юхновского лагеря НКВД. На 31 июля 1941 года в Грязовецком лагере содержался следующий контингент военнопленных и интернированных польских граждан (табл. 4)⁷⁰.

Всего в лагере на конец июля 1941 года находилось около 1 200 польских офицеров, несколько сотен рядовых, а также небольшая категория гражданских лиц. Офицеры действительной службы составляли не более половины от их общего числа. Остальные являлись офицерами запаса, преимущественно государственными служащими. Многие были высококвалифицированными педагогами, юристами, врачами, инженерами, духовными лицами, т. е. принадлежали к польской интеллигентской элите⁷¹. Категория военных чиновников состояла из сотрудников управлений различных военных округов, уездных волостных комиссариатов и других учреждений — интендантства, боеснабжения, квартирмейстерства и т. д. Офицерское лагерное меньшинство было представлено сотрудниками жандармерии, полиции и суда.

Начавшаяся война самым непосредственным образом отразилась на судьбах грязовецких узников. С конца июня 1941 г. в жизни лагеря начинается новый этап. Нападение

Юзеф Чапский. Автопортрет.
1940 г. Юхновский лагерь.

фашистской Германии заставило советское руководство, остро нуждавшееся в союзниках по совместной борьбе против агрессора, вплотную заняться формированием небольшой польской армии, послушной воле Москвы.

Таблица 4

№ п/п	Категория	Общее кол-во	Распределение по национальности						
			Поляки	Литовцы	Русские	Евреи	Немцы	Белорусы	Грузины
1	Чиновники армии	1 171	1 110	3	7	22	10	18	1
2	Чиновники полиции	135	130	-	-	-	5	-	-
3	Чиновники погранстражи	43	43	-	-	-	-	-	-
4	Чиновники жандармерии	15	15	-	-	-	-	-	-
5	Чиновники К.О.П.*	110	109	-	-	-	-	1	-
6	Тюремщики	3	2	-	-	-	1	-	-
7	Осадники**	5	5	-	-	-	-	-	-
8	Юнаки***	14	14	-	-	-	-	-	-
9	Собственники	4	2	-	1	1	-	-	-
10	Чиновники	5	5	-	-	-	-	-	-
11	Сидевшие в тюрьме	4	-	3	-	-	-	1	-
12	Прочие****	46	42	-	-	4	-	-	-
	<i>Итого:</i>	1 555	1 477	6	8	27	16	20	1

* К.О.П. – Корпус охраны пограничья – специальное войсковое формирование, созданное в августе 1924 г. правительством Польши для защиты восточных границ. К.О.П. подчинялся Министерству обороны Польши и действовал в полосе глубиной около 30 км от границы. В стратегических планах на случай войны с СССР ему вместе с выделенными полками пехоты и кавалерии отводилась роль прикрытия основных сил.

** Осадники – бывшие военнослужащие Войска Польского, а также крестьяне, переселенные в присоединенные (в соответствии с Рижским договором 1921 г.) к Польше районы Западной Украины и Западной Белоруссии и выполнявшие наряду с работой фермеров оборонные функции. Получали от польского государства в наследственное владение земельные наделы площадью от 8 до 50 га. Периодически собирались на военные сборы.

*** Члены буржуазной молодежной организации.

**** В графу «прочие» вошли беженцы, учащиеся, крестьяне, рабочие, мелкие торговцы, учителя, агрономы, парикмахеры, ткачи и др.

Заметим, что отбор командных кадров польской армии в Советском Союзе начался еще летом 1940 года. Акцент политической работы делался на поиск офицеров с ярко выраженным антифашистскими настроениями, готовыми пойти на сотрудничество с НКВД. Польскому офицерству интенсивно внушалась мысль о том, что Польша и СССР имеют общие интересы. Первоначально ставка делалась на генерала Ежи Волковицкого. Участник русско-японской войны, герой Цусимского сражения, несомненно, был подходящей кандидатурой, ибо пользовался заслуженной популярностью в польской армии⁷². Однако донесения осведомителей внушали опасения, что генерал, несмотря на свою антинацистскую позицию, вряд ли согласится плясать под дудку Кремля. Неблагоприятный прогноз позднее полностью оправдался.

Гораздо более успешно шла работа с группой офицеров, которую пленные Грязовецкого лагеря не без иронии прозвали «красный уголок». В эту группу, включавшую в себя военнопленных «левой ориентации», входило более 50 чел. Возглавлял ее уже упомянутый нами полковник Зигмунд Берлинг. В октябре 1940 года Берлинга и шестерых его единомышленников перевели из Грязовца в Москву. С будущим командиром польской дивизии им. Тадеуша Костюшко беседовали лично Лаврентий Берия и Всеволод Меркулов. Во время доверительных переговоров Берлинг настаивал на том, чтобы в формируемую им армию могли вступать все поляки, вне зависимости от их политических взглядов⁷³. При этом, как пишет в своих мемуарах Юзеф Чапский, Берлинг добавил: «Для этой армии у нас имеются замечательные кадры в лагерях Козельска и Старобельска». И тут Меркулов проговорился: «Нет, эти — нет. По отношению к ним мы допустили большую ошибку»⁷⁴.

Тем не менее, после некоторой заминки переговоры были продолжены. Берлинг и трое свидетелей невольно вырвавшегося признания — все из группы «красного уголка» — очень долго хранили молчание о гибели своих товарищей. Стремление сделать карьеру, улучшить свое положение превысило этические соображения. В документах НКВД, к примеру, зафиксировано такое заявление Берлинга: «Я остаюсь верным своим убеждениям бить немцев при любых возможностях и, если потребуется, то из-под знамен белого орла я уйду под красные знамена и буду бить немцев в фуражке под звездой»⁷⁵. 20 ноября 1940 г. Берия направил Сталину письмо, в котором предложил сформировать польскую дивизию под командованием полковника З. Берлинга. Однако Сталин, опасаясь испортить отношения с гитлеровским руководством, проигнорировал эту инициативу.

Преданность польских офицеров, завербованных НКВД, была вознаграждена. Обратно в Грязовецкий лагерь они уже не вернулись. Их с комфортом разместили на частных квартирах в Москве, выдали советские паспорта. В Грязовец же направили несколько человек из Литвы и Латвии, которые на Лубянке были отфильтрованы как не прошедшие проверку на лояльность советской власти. В частности, среди «недостаточно лояльных» оказался генерал Вацлав Пшездецкий, согласившийся предпринимать какие-либо шаги по формированию армии только по указанию польского эмигрантского правительства в Лондоне⁷⁶.

Не было единства и среди младшего польского офицерства: одни примкнули к группе офицеров из «красного уголка», другие заняли откровенно антисоветскую позицию, большинство же связывало свою судьбу с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Что касается рядового состава, то они заявили, что они будут действовать в соответствии с приказом, полученным от какого-либо польского генерала. Советским политорганам осталось только утвердить подходящую кандидатуру.

Вступление Советского Союза в войну с фашистской Германией резко ухудшило положение пленных. Нормы питания были уменьшены, возникли перебои в снабжении продовольствием. Так, норма выдачи хлеба, составлявшая 800 г в день, в начале июля была урезана до 400 г при одновременном ухудшении всего рациона питания, что, естественно, отражалось на состоянии здоровья военнопленных. Генерал Ежи Волковицкий писал И. В. Сталину: «...Обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой освободить из плена, в который мы попали, вытесненные германскими фашистами на Восток, а, освободив, дать нам возможность уехать в английские владения, чтобы сражаться против общего врага там, где находится наше полноправное правительство, наша армия и где наше присутствие будет особенно полезно нашим союзникам. Создавшееся положение не дает времени на долгие решения или переговоры, а нас, заключенных в тяжелых условиях на "полпайку", лишает сил, которые могли бы быть использованы против общего врага»⁷⁷.

После того как 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано соглашение между эмигрантским польским правительством и СССР о восстановлении дипломатических отношений и взаимной помощи, пленники начали уже открыто выражать возмущение своим не-

законным содержанием за колючей проволокой. С завидной настойчивостью заключенные в разговорах в лагерной администрацией поднимали тему Женевской конвенции по вопросам военнопленных и их статуса. Число солдат и офицеров с проанглийской ориентацией стремительно росло. Однако это именно в первую очередь и не устраивало Сталина. Он хотел видеть своих пленников непременно сражающимися бок о бок с войсками Красной Армии. 12 августа 1941 года, одновременно с заключением военного договора о создании в СССР польской армии, публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в местах лишения свободы на территории СССР». В соответствии с этим указом помимо депортированных и осужденных поляков освобождению подлежали военнопленные и интернированные военнослужащие бывшей польской армии, которые, по мнению Сталина, являлись «хорошим боевым материалом»⁷⁸. Видимо, к этому времени у советского вождя появилась твердая уверенность в том, что армия генерала Владислава Андерса⁷⁹ будет не только формироваться в СССР, но и вести бои на его территории против немцев.

После подписания вышеупомянутых документов Грязовецкий лагерь НКВД превратился в сборный мобилизационный пункт амнистированных поляков. 20–21 августа в лагере была сформирована смешанная советско-польская призывная комиссия, которая сразу же приступила к работе⁸⁰. Председателем комиссии от польского командования был назначен подполковник Петроконьский. Советскую сторону представляли: от Наркомата обороны — подполковник Коротких, от НКВД — капитан госбезопасности Петров, от Санитарного Управления — военврач I ранга Орленков⁸¹. Заметим, что представителям Красной Армии и НКВД было предоставлено право отвода по «особым соображениям» кандидатов на вступление в польскую армию. Селекция личного состава будущих польских дивизий имела целью усиление политического влияния и контроля над польскими военными формированиями. Во время набора призывников в лагере была усиlena и оперативная работа, направленная на изучение настроений обитателей лагерных бараков.

25 августа в Грязовец прибыли командующий польской армии Владислав Андерс и уполномоченный генштаба РККА по формированию польской армии майор госбезопасности Г. С. Жуков. По воспоминаниям З. Пешковского, Андерс выступил перед военнопленными, указав на то, что им предстоит стать «ядром польской армии». «А где все остальные, с кем мы были в лагерях?» — поинтересовались нареченные новобранцы. «Ищем, — ответил генерал. — Ищем»⁸². Офицерам и солдатам было объявлено место дислокации воинских частей, куда им предстояло прибыть в самое ближайшее время. Речь шла о Тоцком и Татищевском лагерях, а также городе Бузулук, где предполагалось разместить штаб польской армии. Андерсу было разрешено взять с собой из лагеря в Москву некоторых офицеров штаба и начальников дивизий для разработки с ними планов формирования и подготовки войск. К тому же со многими из узников лагеря В. Андерса связывали давние дружеские и служебные отношения. Так, ротмистр О. Слизень состоял адъютантом при генерале Андерсе, когда тот командовал Новогрудской кавалерийской бригадой.

Территорию лагеря было разрешено покидать только по пропуску администрации. По распоряжению Берия еще 20 августа в Москву выбыли генералы Пшездецкий и Волковицкий, 2 сентября — группа старших офицеров. Все освобождаемые из заключения получили денежное пособие. Генералы получили по 10 тыс. рублей, старшие офицеры по 3–5 тыс., младшие по 2 тыс., младший начсостав и рядовые солдаты — по 500 руб. Эти деньги являлись единовременным пособием и выдавались управлением лагеря под личную расписку каждого получателя⁸³.

8 сентября с аэродрома в Москве на самолете «Дуглас» группа грязовецких узников во главе с генералами Боруто-Спеховичем и Токаржевским отбыла к месту дислокации формирующейся армии. Перед отъездом был устроен пышный банкет в гостинице «Нацио-

наль». В числе провожавших были генера-лы В. Андерс и С. Шишко-Богуш, польский посол С. Кот и майор госбезопасности Г. С. Жуков. В числе отбывших был и полковник Шарецкий, накануне проведший консультации по вопросам организации медицинского обеспечения польской армии с представителями Санитарного Управления Красной Армии.

Тем временем призывная компания в Грязовце шла форсированными темпами. Если на 27 августа 1941 года в списках значилось 786 чел., то к 29 августа — уже 1 986 чел. Однако в итоговом отчете призывной комиссии говорится о 1 482 призывниках. По всей видимости, 504 чел. были либо отфильтрованы органами НКВД, либо не были признаны годными к военной службе по состоянию здоровья. Многие польские офицеры, имеющие возраст свыше 50 лет, также не попали в число призывников. Подтверждение этому мы найдем в воспоминаниях З. Берлинга, отмечавшего, что находившиеся в Грязовце резервисты слишком давно проходили военные сборы и мало годились на командные должности⁸⁴. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Е. Климковский⁸⁵. Нельзя исключить и того, что часть военнопленных отказалась служить в польской армии и изъявила желание служить в Красной Армии.

Последние военнопленные покинули Грязовец в конце сентября 1941 года. Среди выбывших были профессор права Всеслав Комарницкий — будущий министр юстиции польского правительства, Бронислав Млынарский — сын известного в царской России дирижера Эмиля Млынарского, авторы мемуаров о пребывании в русском плену ротмистр Юзеф Чапский и подхорунжий Здислав Пешковский.

К началу октября 1941 года в армию Андерса вступили 25 115 интернированных польских военнослужащих. Среди переданных в польские части было 960 армейских офицеров, в том числе 280 чел. из Грязовецкого лагеря, которые, по существу, составили костяк армии⁸⁶. Так, полковник Гробицкий и генерал-майор Волковицкий были назначены заместителями начальников 5-й и 6-й пехотных дивизий, полковник Берлинг и майор Домань — начальниками их штабов, генерал-майор Пшездецкий возглавил запасную армейскую базу, а полковник Шарецкий — центральный армейский госпиталь. Ротмистр Слизень был назначен на должность адъютанта при командующем армией генерале В. - Андерсе.

Бывшие грязовецкие узники, получив свободу действий и существенные властные полномочия, сохранили прежние политические амбиции. Несмотря на уверения генерала Андерса о необходимости «поставить крест на старых обидах», большая группа польского офицерства смотрела на союз Польши и СССР как на «вынужденный шаг на пути восстановления Польши» и не собиралась забывать «советские тюрьмы, лагеря и ссылки». Так, генерал Волковицкий прямо говорил о неизбежности прямого столкновения Польши

Владислав Андерс.

Командующий польской армией на территории СССР (1941–1942 гг.)

Генерал В. Андерс (справа) и ротмистр Ю. Чапский

и СССР после разгрома фашистской Германии⁸⁷. Многие офицеры относились с открытым недоверием к штабу армии и лично генералу Андерсу и выражали беспокойство, «как бы Андерс не продался большевикам». Подобные настроения были отмечены и в школе подхорунжих, среди которых имелись «кантикоммунистические элементы», призывающие избегать активных действий и «ждаться, пока Германия и СССР взаимно измотают друг друга»⁸⁸. Выходец из аристократической семьи, ротмистр Ю. Чапский вынашивал идею создания после окончания войны «федерации междуморья» в составе Польши, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии, Литвы, Латвии и Эстонии⁸⁹.

Часть польского офицерства не ограничилась пропагандой своих взглядов и пошла на создание

нелегальных группировок, ставящих перед собой конкретные политические цели. Так, в 6-й дивизии возникла конспиративная группа во главе с командиром дивизии генералом Токажевским, в которую вошли начальник штаба майор Домань, полковники Лис и Коц. Эта группа противопоставляла Токажевского «продавшемуся большевикам» Сикорскому и планировала заменить в будущем кабинет Сикорского правительством во главе с Токажевским. Судя по оперативным материалам, попытку создать нелегальную националистическую организацию под названием «Союз вооруженной борьбы» в 5-й пехотной дивизии предпринял и полковник Гробицкий⁹⁰.

В самом штабе армии сложилась так называемая «грязовецкая» группа во главе с начальником оперативного отдела штаба полковником Крогульским в составе начальника 5-го отдела штаба армии майора Галковского, работников 1-го отдела подполковника Краньковского, майора Румичевского, начальника персонального отдела майора Малковского и ряда других офицеров. Эти лица считали, что правительство Сикорского «мало торговалось с СССР» о «судьбах Польши» и были непримиримо настроены по отношению к вопросу о «границах 1939 года». Пользуясь покровительством начальника штаба польской армии Окулицкого, группа «грязовцев» намеревалась заместить командные должности в штабе армии «своими людьми». Арсенал средств и методов борьбы был самым разнообразным, включая такие методы как шантаж, запугивание и политическое давление. Например, полковнику Берлингу, открыто ориентирующемуся на СССР, было отправлено анонимное письмо с сообщением, что он «приговорен к смертной казни за предательство отечества» и будет уничтожен. Капитану Розен-Завадскому и поручику Щиперскому, известным своими симпатиями к СССР, анонимщики также неоднократно угрожали расправой при выходе частей на фронт. Не случайно большинство просоветски настроенных польских офицеров, в том числе и З. Берлинг, в 1942–1943 гг. не эвакуировались с армией генерала В. Андерса на Средний Восток, а остались в СССР и позднее участвовали в создании польских военных формирований в составе советских вооруженных сил.

Непростые отношения сложились между «грязовецкими» генералами и командующим В. Андерсом, который чувствовал в них соперников. Подобные чувства он испытывал и к генералу Пшедзецкому. Е. Климовский, бывший адъютант командующего польской армией, вспоминал по этому поводу: «Андерс не хотел привлекать его (Пшедзецкого. — прим. В.К. и А.К.) ни к какой работе. Попросту не любил этого серьезного неподходящего

к “обществу” человека. Андерс знал, что НКВД еще за несколько месяцев до заключения июльского договора предлагал Пшездецкому формирование в СССР польского легиона. Этого было достаточно...»⁹¹. Недоверие испытывал Андерс и к генералу Берлингу, что объяснялось их разными политическими убеждениями. Скора последнего с генералом Борутой-Спеховичем дала возможность командующему посадить Берлинга под домашний арест, а затем перевести на должность начальника базы в Красноводске.

Прекрасно чувствуя настроения своей армии, В. Андерс вел двойную игру, рассматривая сотрудничество с Советским Союзом как «временное зло». К офицерам Красной Армии он относился с презрительным пренебрежением, хотя внешне в их присутствии никогда этого не показывал. Более того, по мнению Ежи Климковского, Андерс не верил в возможность победы Советского Союза⁹². Для негативного отношения к советскому режиму у польского генерала были веские основания. Генерал прошел сталинские тюрьмы и лагеря, своими глазами видел нищету подавляющего большинства населения, то чудовищное порабощение, на котором держался тоталитарный режим. Пытаясь сохранить основу польской государственности, Андерс следовал установке главы эмигрантского правительства Сикорского, который рассматривал польскую армию в первую очередь как политический фактор и лишь в последнюю — как военный инструмент. Таким образом, польский генерал целенаправленно проводил политическую линию, противоречащую советско-польскому договору и военному соглашению. Впрочем, как уже отмечалось, такой позиции придерживалась почти вся военная верхушка польской армии.

Неудивительно, что советско-польское сотрудничество себя не оправдало. Польское эмигрантское правительство фактически отказалось от выполнения своих союзнических обязательств в критический для Советского Союза период войны. Армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях так и не участвовала, а весной и летом 1942 года по решению кабинета Сикорского была выведена из Советского Союза на территорию Среднего Востока⁹³.

В конечном итоге была сделана ставка на оппозиционные правительству Сикорского силы. 6 мая 1943 года Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании 1-й польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, командующим которой был назначен З. Берлинг. Карьерный взлет последнего впечатляет: 10 мая 1943 года З. Берлингу было присвоено звание генерал-майора, в ноябре того же года он был награжден орденом Ленина, а в 1944 г. Берлинг возглавил 1-ю Польскую армию в СССР, являясь одновременно членом президиума Главного управления Союза польских патриотов (СПП) в СССР. Но и на этом Берлинг не прекратил борьбы за будущее Польского государства со своими бывшими идеологическими противниками по лагерю, пользуясь теперь покровительством Лондона. Основными целями СПП были пропаганда коммунистической платформы развития будущей Польши и борьба с «реакционными группами» польской эмиграции⁹⁴.

В результате широких мобилизационных мероприятий и привлечения населения с освобожденных от фашистов польских территорий численность Войска Польского, сражавшегося среди частей Красной Армии на советско-германском фронте, к маю 1945 года достигла почти 400 тыс. чел. Однако нехватка офицерских кадров являлась серьезной проблемой при формировании польских частей. В одном из обращений к Советскому Верховному Главнокомандованию Главнокомандующий Войском Польским писал, что «основным затруднением в проведении мероприятий по развертыванию вооруженных сил Польши является недостаток своих национальных офицерских кадров, особенно офицерских кадров специальных родов войск»⁹⁵. Для подготовки недостающих кадров с помощью Советского Союза в Войске Польском была создана широкая сеть военных училищ, школ, курсов, в которых в конце 1944 года обучалось более 13 тыс. чел.⁹⁶.

*Красноармеец и боец 1-й Польской армии генерала
З. Берлинга. 1-й Белорусский фронт.
Октябрь 1944 г.*

по задумке советских властей, должна была со временем стать оплотом будущего польского государства просоветской ориентации. Увы, этим планам не суждено было сбыться.

Судьба грязовецких узников наглядно показывает цинизм сталинской политики «двойного стандарта», когда по мановению руки одни — «враги советской власти» — отправлялись на расстрел в Катынский лес и тюремные застенки НКВД, другие — «сочувствующие» — на комфортные подмосковные дачи и в «благоустроенные бараки» Грязовецкого лагеря.

* Так называли себя сами польские офицеры.

Примечания

- 1 Архив УВД Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–2.
- 2 Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштада. М.: Демократия, 1999. С. 107.
- 3 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 8–9.
- 4 Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 104–105, 403.
- 5 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 6, 6 об.
- 6 Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 200.
- 7 Там же. С. 204.
- 8 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459.
- 9 Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. С. 148.
- 10 Подсчитано по данным: Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 160.
- 11 Через Грязовецкий лагерь прошла основная масса финских военнослужащих, оказавшихся в руках Красной Армии (около 600 чел). См. подробнее: Веригин С.Г. Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней

- войны 1939–1940 гг. // Новый Часовой. 1999. № 8–9. С. 85–91; Конасов В.Б. Тайны лагеря НКВД // Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Из истории Вологодской области. Вологда, 1994. С. 5–7.
- 12 Установить точное количество отправленных в Грязовец военнопленных затруднительно. Российские историки приводят цифру в 395 чел., ссылаясь на справку П.К. Сопруненко о количестве польских военнопленных, отправленных в Юхновский лагерь из спецлагерей, датируемую не ранее 25 мая 1940 г. Симптоматично, что почти та же самая цифра (394 чел.) была приведена в заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года. Но, по всей видимости, ее нельзя считать полной. Согласно данным польских историков в живых осталось 448 человек: 245 чел. из Козельска, 79 из Старобельска, 124 из Осташкова. См. напр.: Майдайчик Ч. Катынская драма // Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. О.В. Яснова. М.: Политиздат, 1991. С. 32. В «Списке военнопленных из лагеря в Грязовце», составленном З. Пешковским, содержатся данные о 450 военнопленных. По подсчетам бывшего узника Грязовецкого лагеря, в их числе было 189 офицеров (около 40 %), 86 подхорунжих и хорунжих (около 20 %), 25 сержантов и младших командиров, 16 рядовых, 62 функционера полиции и Корпуса пограничной охраны, 45 гражданских лиц и 27 человек, чей статус и чин не удалось установить. См.: Peszkowski Z. Wspomnienia jenca z Kozielska. Warszawa, 1989. S. 66–78.
- 13 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 59; Катынская драма... С. 35.
- 14 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 57–58.
- 15 Нюрнбергский бумеранг / Публ. Ю.Н. Зори, А.С. Прокопенко // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 53.
- 16 Вологодский (Заоникеевский) лагерь располагался в корпусах бывшего детского дома, в 18 км от Вологды. В октябре 1939 года в лагере содержалось 3 450 военнопленных поляков.
- 17 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 6 об.
- 18 Цит. по: Абаринов В.К. Катынский лабиринт. М.: Новости, 1991, С. 90.
- 19 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 135.
- 20 Цит. по: Катынская драма... С. 84.
- 21 Peszkowski Z. Op. cit. S. 52.
- 22 В архивных фондах польского эмигрантского правительства хранится около 400 показаний и донесений пленных офицеров из Грязовецкого лагеря.
- 23 Катынская драма... С. 35.
- 24 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
- 25 Там же. Л. 2, 141.
- 26 Там же. Л. 123.
- 27 Там же. Д. 105. Л. 92, 95.
- 28 Елин Л. Молебен в Катыни // Новое время. 1992. № 4. С. 42.
- 29 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.
- 30 Там же. Л. 134.
- 31 Там же. Д. 85. Л. 119.
- 32 Там же. Д. 1. Л. 81.
- 33 Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 242, 261, 420–421.
- 34 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 95.
- 35 Подхорунжий Пешковский с ноября 1939 г. по май 1940 г. находился в Козельском лагере, затем был переведен в Юхнов и, наконец, в Грязовец. Впоследствии стал католическим священником.
- 36 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 118.
- 37 В справке начальника УПВИ П.К. Сопруненко от 3 марта 1940 г. отмечалось, что в лагерях НКВД для военнопленных содержится 24 ксендза.
- 38 Судьба последнего особенно интересна. Кантак Станислав Камил (1881–1976), уроженец Гданьска, профессор истории в Пинской духовной семинарии. Не будучи военнослужащим, он был пленен с группой офицеров в Домбровице и отправлен в Козельский лагерь НКВД. Заявление Кантака о насильственном изъятии у него паспорта при задержании и требование признать его германским подданным вызвали длительную переписку между лагерными властями и аппаратом НКВД. Этим делом заинтересовался сам Л.П. Берия. В итоге К. Кантак не был передан германским властям, его отправили в Осташковский лагерь. В июле 1941 года он был переведен в Грязовец. Осенью 1941 года С.К. Кантак получил назначение на службу в Тоцк, где формировалась 6-я Польская дивизия и находился резервный центр Польской армии В. Андерса. После вывода польских частей за пределы СССР в апреле 1942 года он оказался в Иране, а затем в Бейруте. См.: Ks. Kamil Kantak. Od Griażowca do Pahlewi. Fragment z pamiętnika // "Marianum w Ślubie". Nr.5–6/71–72, Londyn–Wrzesien–Grudzień, 1967, S. 82–84.
- 39 Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М.: Издательство МЭИ, 1991, С. 212.
- 40 Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соч. С. 28.
- 41 «Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 28 сентября 1939 года к категории запрещенных предметов относила оружие, спиртные напитки, наркотики, лекарства, игральные карты, документы, удостоверяющие личность, ценные вещи, военно-топографические карты и планы местности, в которой расположен лагерь. Личные документы (письма, фотографии близких родственников, документы о состоянии здоровья и т.п.) изъятию не подлежали.
- 42 Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соч. С. 20–21.
- 43 Польские националисты считали «гибель Польши» результатом «еврейского заговора», заявляя, что евреи продали Польшу «немцам» и «большевикам». Евреи подвергались систематическим оскорблением и унижениям. Заметим, что антисемитизм позднее получил широкое распространение в польской армии В. Андерса, особенно

- но после ее вывода в 1942 г. на территорию Среднего Востока. Дело доходило до открытых убийств солдат еврейской национальности. Вследствие этого в 1943 – начале 1944 г. из польской армии дезертировало около 2 000 еврейских солдат. См.: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. Т. 14 (3–1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 103.
- 44 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 95.
- 45 Там же. Д. 85. Л. 48.
- 46 Там же. Л. 23.
- 47 Там же. Д. 105. Л. 104–104 об.
- 48 Там же. Л. 97 об.
- 49 Там же. Л. 72 об.–73.
- 50 Там же. Л. 56–57.
- 51 Там же. Л. 86 об.–87.
- 52 Там же. Л. 119.
- 53 Там же. Л. 93 об.
- 54 Цит. по: Елин Л. Молебен в Катыни... С. 42.
- 55 Лебедева Н. Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 218.
- 56 Абаринов В.К. Указ. соch. С. 78.
- 57 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Л. 123.
- 58 Там же. Д. 105. Л. 88.
- 59 На 31 июля 1941 года в лагере среди военнопленных имелось 45 врачей, 7 работников санслужбы и фельдшер Красного Креста.
- 60 Катынь: Пленники необъявленной войны... С. 428.
- 61 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 70 об.
- 62 Райский Н.С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 4. С. 137.
- 63 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 85. Л. 72.
- 64 Юзеф Чапский родился в старинной дворянской семье в Праге, детство провел в Минской губернии, в 1916 году приехал в Петербург, где поступил в Пажеский корпус. В 1920 году Ю. Чапский, офицер уланского полка, воюет в составе польской армии против «большевистского нашествия». Награжден крестом «За военную доблесть». После советско-польской войны занимается живописью, его картины выставляются в Париже, Варшаве, Женеве. В сентябре 1939 года мобилизован в армию, попадает в советский плен. Около двух лет провел в Старобельском, Юхновском и Грязовецком лагерях. После амнистии 12 августа 1941 года попадает в состав армии Андерса, по специальному поручению главнокомандующего собирает сведения о судьбе польских офицеров Козельского и Старобельского лагерей. Фрагменты воспоминаний Ю. Чапского были представлены Нюрнбергскому трибуналу в качестве показаний по Катынскому делу.
- 65 Цит. по: Абаринов В.К. Указ. соch. С. 56.
- 66 Там же. С. 10.
- 67 Там же. С. 49.
- 68 Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 129.
- 69 Абаринов В.К. Указ. соch. С. 42.
- 70 Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 110. Л. 74. Помимо поляков, в лагере содержалось 213 интернированных француза. Таким образом, общая численность контингента на 31 июля 1941 года составляла 1 768 чел.
- 71 Подобная пропорция наблюдалась в Козельском и Старобельском лагерях. См.: Мадайчик Ч. Катынская драма // Другая война: 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 226.
- 72 Фигура Волковицкого привлекала внимание многих писателей и публицистов. О нем писал Новиков-Прибой в книге «Цусима», С. Свяневич – «В тени Катыни». Будучи мичманом русского флота, он был младшим по чину офицером, участвовавшим в военном совете на флагмане. Выступая первым, он предложил принять бой и лишь потом затопить корабли. В 1904 году Волковицкий попал в плен к японцам, за попытку побега был осужден на два года тюрьмы, но его досрочно освободили. После окончания русско-японской войны окончил Морскую академию Генштаба в Петербурге, в начале Первой мировой войны служил на Черноморском флоте, сражался в Сербии. После Октябрьской революции оказался во Франции, откуда и вернулся на родину. Находясь в отставке, в сентябре 1939 г. вновь был призван на военную службу. 17 сентября 1939 года принял командование дивизией, но вскоре оказался в советском плену. Весной 1940 г. был направлен в распоряжение Смоленского УНКВД. Остался в живых благодаря вмешательству влиятельного майора госбезопасности В.М. Зарубина. По распоряжению последнего был отправлен в Юхновский лагерь, откуда попал в Грязовец. См.: Лебедева Н. Катынские голоса... С. 218–219.
- 73 Святек Р. Катынский лес // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 76.
- 74 Катынская драма... С. 62.
- 75 Русский архив... С. 71; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939–1943 гг. М.: Наука, 1973. С. 197–198.
- 76 Бригадный генерал Вацлав Пшездецкий в 1939 году командовал бригадой «Волковыск». Перешел границу Литвы, но в июле 1940 г. был интернирован советскими войсками и доставлен сначала в Козельский лагерь, а оттуда в Грязовец. Пользовался большим авторитетом среди пленных польских офицеров. Решительно протестовал против притеснений лагерной администрации. В начале августа 1941 г. направил телеграмму главе польской военной миссии в Москве. В ней говорилось, что администрация лагеря плохо обращается с военнопленными, которые подвергаются моральному гнету, что во время допросов им даются не соответствующие чести офицера вопросы, что их принуждают к вступлению в Крас-

- ную Армию и т. д. В качестве противодействия насилию генерал неоднократно прибегал к индивидуальным голодовкам. См.: *Лебедева Н. Катынские голоса...* С. 220.
- 77 *Лебедева Н. Катынские голоса...* С. 219–220.
- 78 Сталин, Сикорский, Андерс и другие / Публ. подгот. Н.А. Лебедева // *Международная жизнь*. 1990. № 12. С. 130. Что касается амнистии, то последняя не распространялась на гитлеровских агентов и бывших польских граждан, представлявших по национальности державы «оси», а также лиц, отбывавших наказание за уголовные преступления.
- 79 Андерс Владислав (1892–1970) происходил из семьи прибалтийских помещиков. Перед Первой мировой войной он окончил в Петербурге Пажеский корпус, а в 1914–1917 гг. служил в царской армии. В 1917–1918 гг. офицер польского корпуса Довбор-Мусницкого. В 1918 г. В. Андерс некоторое время служил в германской армии, был близок к окружению генерала, впоследствии маршала Польши Рыдз-Смиглы. В сентябре 1939 г. командовал Новогрудской бригадой, которая сражалась в составе армии «Модлин», затем командовал оперативной группой кавалерии. Тяжело раненный 29 сентября 1939 г., был пленен советскими войсками. С началом советско-польских военных переговоров Андерс был освобожден и принял в них участие. 6 августа 1941 года назначен командующим Польской армии в СССР.
- 80 Помимо Грязовецкого лагеря, призывные комиссии были созданы в Южском, Суздальском и Старицком лагерях НКВД.
- 81 Русский архив... С. 27–33.
- 82 Цит. по: Елин Л. Молебен в Катыни... С. 43.
- 83 Stalin, Beria и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 64–65; Е. Климковский в своих воспоминаниях приводит чуть меньшие цифры денежной помощи, которая составляла: генералам — по 5 тыс., старшим офицерам — по 3 тыс., младшим — по 2 тыс. См.: Климковский Е. Указ. соч. С. 102.
- 84 Катынская драма... С. 36–37.
- 85 Климковский Е. Указ. соч. С. 105.
- 86 Катынская драма... С. 158.
- 87 Русский архив... С. 72.
- 88 Там же. С. 73.
- 89 Там же. С. 100.
- 90 Stalin, Beria и судьба армии Андерса... С. 70.
- 91 Климковский Е. Указ. соч. С. 101.
- 92 Там же. С. 102, 130–131. Российский историк В.И. Прибылов, касаясь личности генерала В. Андерса, также пишет о том, что «его целью с самого начала было не допустить подлинного сотрудничества с СССР» См.: *Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса?* // Восточно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 33. См. также: *Андерс В. Без последней главы* // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 231–255; № 12. С. 219–250.
- 93 Судьба тех соратников генерала В. Андерса, которые впоследствии вновь оказались в руках Красной Армии, сложилась трагически. 4 520 «андерсовцев», прибывших по депортации из Англии по завершении войны на родину, были депортированы, 74 человека были интернированы с территории Польши в 1944–1945 гг. Бывшие солдаты армии Андерса и члены их семей вывозились на алданские золотые прииски. См.: *Абаринов В.К. Указ. соч. С. 80.*
- 94 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 85.
- 95 История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. Т. 10. М.: Воениздат, 1979. С. 55; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 352–353.
- 96 *Картавый С.Н. Численность в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2000. С. 6.*